

РАССКАЗЫ

ПОГОДА ЛЮБВИ

Был конец сентября. На деревьях доживали последние листья, которые в скором времени, подхваченные очередным порывом ветра, в прощальном танце побегут по мокрому мостовым. Косой морозящий дождь заставлял немногочисленных прохожих глубже прятаться в свои теплые шарфы и ускорять шаг. В такие вечера с особенным сожалением вспоминались наполненные стрекотом кузнечиков и шелестом набегающих волн дни прожитого лета.

Трое мужчин средних лет после ужина пили кофе в уютном кафе на углу Брайтон-Бич-авеню. Три друга, выходцы из бывшего Советского Союза, когда-то они учились в одном классе ленинградской школы. Так получилось, что в далекие девяностые их семьи эмигрировали в Америку и поселились в Нью-Йорке. Раз в месяц они собирались, чтобы устроить шумный дружеский вечер с шутками и смехом, но в этот раз разговор как-то не клеился. Приглушенный свет и аромат дымящегося кофе действовали убаюкивающе. За широкими окнами, шелестя мокрыми шинами, проезжали разноцветные автомобили. Иногда звенел колокольчик у входа, оповещая персонал кафе о новом посетителе.

— Скучаю по Ленинграду, — отозвался один из мужчин, называя Санкт-Петербург на старый лад. — В последнее время все чаще вспоминаю о детстве. Не знаю, может, это уже старость? Двор, рыбалка на Неве, школа... Вы помните школу? Эти кольшки, забитые в деревянные перила, чтоб по ним никто не скатывался? А класс? Большой, светлый класс с фикусом у окна.

— Да, я помню тот фикус, — улыбнулся второй мужчина. — На уроках я представлял его пальмой, а себя пиратом.

— А помните, как кто-то придумал, что если пожевать лист фикуса, то говорить не получится и можно не отвечать на уроке?

— Точно! Мы тогда съели почти все листья того фикуса, и потом нас еще долго называли «классом травоядных».

Каждый из мужчин с улыбкой углубился в свои полные света и детского счастья воспоминания.

— А помните Лизу? — прозвучал голос третьего мужчины. — Она училась классом ниже. Ну, та высокая рыжая девочка с длинной косой и большим белым бантом. У нее были глаза цвета весеннего неба и милые веснушки, словно звезды, рассыпанные по носику. Я был без памяти влюблен в нее! Я прибежал на час раньше, чтобы просто увидеть, как она приходит в школу, а потом ждал и провожал до дома и так и не ре-

---

Йосси Кински — прозаик, драматург, сценарист. Родился в 1980 году. Публиковался в журналах «Новый континент» (США), «Крещатик» (Украина), «Номо Legens» (Москва), «Чайка» (США), интернет-журнале молодых писателей «Иные берега». Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес. Живет в Москве.

шился подойти. После девятого класса она куда-то запропастилась. Ребята из ее класса сказали, будто уехала с родителями в другой город. Так я ее и потерял.

— Да, я помню эту девочку, — глядя в окно, произнес второй мужчина. — Но она никогда не носила белый бант. И у нее были не рыжие, а каштановые, доходившие до плеч волосы. Она была отличницей, так что все учителя ставили ее в пример другим детям. Ее голубенькая юбочка до сих пор у меня перед глазами. Я тоже любил ее, но в ту осень тоже потерял. Помню, я даже у тебя невзначай поинтересовался о ней, но ты тогда мне ничего путного не ответил.

— Вы про ту, что жила напротив детского магазина? — спросил третий мужчина.

— Да, кажется, она там жила.

— Но у нее никогда не было длинных волос. Сколько я ее помню, она всегда стриглась под мальчишку. Девочка с такими большими карими глазами. И голос звонкий-звонкий, как поющий колокольчик. Ее улыбка до сих пор снится мне по ночам. Я был влюблен в нее с восьмого класса и тайком подкидывал ей под дверь подарки. Теперь это кажется смешным, но как же я был тогда счастлив, когда представлял, как она открывает дверь и видит на полу цветок и какую-нибудь блестящую безделушку. Мда... Были времена. Ее родители служили в обкоме партии. И, по-моему, тоже уехали из разваливавшейся страны.

Повисло грустное молчание.

Желтый лист, подхваченный ветром, покружился над мостовой, шлепнулся о мокрое окно и, прилепившись к стеклу, так и остался висеть. Со стороны было похоже, будто, прильнув к стеклу, он с горечью ищет кого-то внутри, где тепло и уютно. Разноцветные машины все так же пронеслись по широкому проспекту, рассекая пелену мелкого дождя. Мужчины в молчании смотрели в окно и тосковали по девочке, стриженной под мальчишку, с большими карими глазами, одетой в голубую юбку.

И с голосом — таким далеким, звонким-звонким, как поющий колокольчик.

ПОСЛЕДНЯЯ ФОТОГРАФИЯ

— Алло, алло! Анита, ты слышишь меня?

— Да, слышу, а кто говорит?

— Это я, Алекс.

— Я же тебе сказала, чтоб ты больше мне не звонил! Сколько это будет продолжаться?! Я выхожу замуж!

— Да, ты говорила.

Трубка затихла. Молчание затягивалось.

— Анита, давай встретимся. Мне надо сказать тебе что-то очень важное.

— Нет, это невозможно.

Она нажала на телефоне кнопку «разъединить». Ей нравился ее Vertu последней модели, ее маникюр со стразами и рисунками в японском стиле, ее новая черная шубка, ее манера разговора. Анита погладила нежный мех своего рукава, переливающийся в ночных огнях, и написала Алексу сообщение: «Завтра я пойду на кладбище — годовщина смерти моего первого мужа».

Ее жених резко затормозил на светофоре, и ремень безопасности впился прямо в меховую гладь ее шубки. Анита отстегнулась.

— Кто это тебе названивает, осмелюсь спросить?

Анита устало покачала головой и махнула рукой в знак того, что это недостойно обсуждения. Телефон почему-то потерял сеть и никак не мог отправить сообщение. Анита притворилась совсем уставшей, томно закрыла глаза и почти простонала:

— Полное ничтожество.
— А кто именно? — не отставал жених.
— Ну, это этот фотограф, ой, ну как же его... — она поднесла руку ко лбу и сделала вид, что никак не может вспомнить.

...Они познакомились на вернисаже молодых фотографов. Аните было нечего есть, она целый день бродила по городу и заглянула в выставочный павильон, чтоб переждать дождь. Анита не была наделена особым талантом или умом, но обладала привлекательной внешностью. От долгих и бессмысленных блужданий щеки ее покраснелись, а волосы растрепались. На банкете она ела с завидным аппетитом и излучала при этом невообразимое счастье.

Алекс был звездой вернисажа: он создавал новый импрессионизм в фотоискусстве, и хозяйка галереи строила серьезные планы долговременного и плодотворного сотрудничества с ним. Остальные, вовремя уловив тенденцию, наперебой воспевали его талант, кидая на меценатку значительные взгляды. Анита съела два подноса канапе, выпила залпом четыре бокала шампанского и разрушила серьезные планы хозяйки галереи. Так Алекс остался без работы.

Какое-то время их любовная лодка успешно сопротивлялась штормам быта. Алекс ушел от меценатки не с пустыми руками, а с хорошим портфолио и вскоре устроился фотокорреспондентом в ведущее информационное агентство. Его все устраивало: достойная зарплата, работа по специальности, престижная компания с офисом в центре Москвы, стильно одетые секретарши. Оставалось даже время на творческие эксперименты и Аниту. Они сняли комнату возле конечной станции метро и были безгранично счастливы.

Анита тоже не сидела без дела. Ей удалось найти работу ассистенткой в пиар-агентстве, и целыми днями она кому-то названивала, чтобы сверить цвет, количество воздушных шариков и праздничных колокольчиков. Начальница была ею вечно недовольна, а зарплата, как правило, оборачивалась неожиданным ударом по самолюбию — в агентстве действовала гибкая система штрафов, что приводило к жуткой текучке кадров. И только Анита держалась из последних сил.

Как раз в тот момент, когда она поняла, что ей тоже пора валить из этой конторы, она вдруг осознала, что живет одна и не сможет оплатить аренду за следующий месяц. Нет, Алекс не пропал бесследно. Она позвонила, и он взял трубку...

— Какой еще фотограф? — жених и директор того самого информационного агентства, в которое когда-то устроился Алекс, разозлился всерьез.

— Да ты ревнуешь! — сказала она, оживившись. Ей нравилось, когда ее ревнуют. Ей вообще нравилось быть причиной чьих-то переживаний.

— Совсем нет! Я просто хочу знать, кто тебе все время названивает и почему ты с ним разговариваешь!

— Ревнуешь! Ревнуешь! — Анита захлопала в ладошки, как маленькая девочка. — Он мне звонит каждый раз с нового номера. Я блокирую, а он снова названивает.

Жених бросил на нее быстрый взгляд. Та для достоверности выразительно округлила глаза. Он немного расслабился.

— И что ему нужно?

— Ой... ну что может быть нужно от такой красивой женщины, как я? — и Анита вновь погрузилась в обычную усталость.

Жених все понял, как он должен был понять, и побелел.

— Это этот, из службы репортажа... как его... Алекс... Алекс... неважно.

— Только не думай мстить!

Жених молчал, вцепившись в руль. Анита посмотрела на экран Vertu: «Сообщение отправлено».

Погода была промозглой. Стояла поздняя осень. Лужицы покрылись тонкой корочкой льда. Листья уже облетели и, почерневшие, прилипали к мрамору надгробий. Алекс пришел раньше условленного. Его ботинки уже стали промокать, а ноги мерзнуть. Чтоб не задубеть окончательно, он прогуливался вдоль могил: известные певцы, политические и одиозные деятели, герои, павшие за родину, и никому не известные богачи. Лысый мужчина с круглым сытым лицом недовольно смотрел на него с гранитной плиты: «Безвинно убиенный в арбузе коварно заключенным ядом, ты всегда останешься в наших сердцах. Покойся с миром». Алекс усмехнулся то ли от глупости написанного, то ли от холода.

Вскоре Анита в черном платке и в своей любимой шубке появилась на кладбищенской аллее. Она шла мимо помпезных надгробий модельной походкой, словно по подиуму, и от того казалась Алексу еще более желанной. Алекс перестал мерзнуть.

Подойдя к нему, Анита перекрестилась и сказала: «Царство тебе небесное». Она достала из своей лаковой сумочки бутылку водки и кусок черного хлеба:

— Ну что же... помянем безвинно убиенного коварной мякотью арбуза?

И не дожидаясь ответа, хлебнула из горла. При этом она так сладострастно обхватила своими красными, как арбуз, губами горло бутылки, что Алексу тоже захотелось помянуть усопшего. Анита протянула ему бутылку.

Рядом с этой могилой были свежий холмик и глубокая яма — видимо, покойника еще не привезли, но уже ожидали его прибытия. С удовольствием разжевывая кусок черного хлеба, как будто это был швейцарский шоколад, Анита заговорила:

— Покойный был неплохим человеком. Он все же обеспечил меня квартирой в Москве. И, слава богу, вовремя помер. Арбуз и проклятая водка разрушили его нутро.

Она стала смеяться. Алекс посмотрел на ее красные сладкие губы, улыбнулся и сказал:

— Иногда смерть оказывается важнее жизни. Последняя фотография имеет огромное значение. Самое главное — как мы умрем. Как герои или...

— Говори, что хотел сказать, — она перестала смеяться и опять сделалась томно-усталой.

— Я тебя очень люблю. В последнее время я лишился сна и покоя, словно мне не хватает воздуха.

— В последнее время? Это после того, как ты увидел меня на банкете для топ-менеджмента в вашем агентстве?

— Какое это имеет значение? Ты понимаешь... я не могу без тебя жить.

— А ты понимаешь? У нас с тобой нет будущего. Ты просто фотокор. Тебя никто не знает. Какие у тебя перспективы?

— Ну и что же! Мы будем работать. И Господь не оставит нас в нужде и беде.

Анита самодовольно и жестоко улыбнулась.

— Я не верю в чудеса! Я уже работала. А теперь мне нужны перспективы и стабильная обеспеченная жизнь. Ты бедный импрессионист, откуда тебе знать! Что ты вообще можешь понимать про перспективы?

Алекс побелел, и водка его больше не грела. Ему опять стало холодно. Анита поставила недопитую бутылку на могильную плиту, накрыла недоеденным куском хлеба. В порыве отчаяния Алекс рванул к ней и схватил за руки, как это обычно делается в романтических драмах:

— Послушай! Я не мог тогда поступить иначе. Мне нужно было зацепиться.

Но Анита не поддержала пафос Алекса и оттолкнула его от себя с силой, неожиданной для такой хрупкой молодой женщины. Алекс поскользнулся на мокрой глине, потерял равновесие и кувыркнулся через холмик в соседнюю свежерытую могилу. Анита от неожиданности рассмеялась и заглянула в яму. Торжество ее было полным.

— Говорила тебе, не создавай мне проблем! — сказала она язвительно. — Будет лучше, если ты вообще перестанешь мне звонить. Помнишь? Кажется, так ты тогда мне ответил?

Когда он, грязный и продрогший, выбрался из ямы и добрался до офиса, начальник отдела вызвал его к себе:

— Тебя отправляют в командировку. Тройной оклад.

Алекса удивила виноватая интонация. Он хотел поймать взгляд собеседника, но безуспешно, тот смотрел куда-то мимо и все время менял точку фокуса.

— Тройной оклад — это хорошая новость, — попробовал пошутить Алекс, — а куда едем?

— В Сирию, — начальник отдела постарался придать своему голосу безмятежную интонацию.

— Там же война!

— Ну что делать? Мы журналисты, мы обязаны быть в центре событий, — и глупо засмеялся.

Выдав из Алекса подтверждение его согласия ехать и уже выпроваживая его за дверь своего кабинета, он вдруг импульсивно добавил:

— Авось пронесет. Тогда тройной оклад!

Алекса хоронили как героя. У него были приятная улыбка и веселый взгляд на портрете. Это была его последняя фотография, сделанная в Сирии. Официально почтить память безвинно убитого боевиками журналиста приходил и директор информационного агентства, в котором работал Алекс. Он давал интервью, говорил, что это большая потеря для журналистики и его личная драма, принимал соболезнования. Рейтинги агентства выросли, им заинтересовались по всему миру. Смерть Алекса не была напрасной.

Приходила и новая жена директора агентства, но уже позже, когда никого на кладбище не было. Анита смотрела в лучистые глаза Алекса на портрете, улыбалась своими красными, как арбуз, ядовитыми губами.

— Видно, не зря ты в эту ямку-то упал тогда? — сказала она, разжевывая кусок черного хлеба, и подмигнула лысому с соседнего надгробия.

РОМАНТИК

Общение с женщинами никогда не представляло для Бориса трудностей. Когда кто-нибудь ему рассказывал о том, как долго ухаживал за любимой девушкой и не находил слов признаться в любви, Борис усмехался и говорил с видом бывалого донжуана: «Раз уж влюбился, значит, нельзя слишком церемониться и затягивать, надо сразу же признаться. А там уж по обстоятельствам, как пойдет. Если она не согласится, то и скатертью ей дорожка».

Но однажды во время обеда с сослуживцами все темы внезапно исчерпались, и коллеги молча жевали. Борис тоже жевал и слушал звучащее фоном радио, которое обычно включают в общепите для создания атмосферы «солидного заведения». Но не само радио заворожило его, а нежнейший женский голос, словно трель влюбленного соловья, певший о фиалках и незабудках. Голос показался ему каким-то неземным, волшебным...

Он перестал жевать, вытянул шею и зачарованно смотрел на динамик у потолка. Даже макароны во рту были преградой для восприятия волшебной песни. Борису хотелось, чтобы динамик не распылял звук по всей столовой, а посылал его только ему.

Весь оставшийся рабочий день он пребывал словно в небытие. «Фиалки мои, незабудки», — не переставало звучать у него в голове и негой разливалось в душе. О, как прелестна должна быть обладательница этого чарующего голоса! Он старался воспроизвести ее образ перед глазами. Борис видел ее, украшенную фиалками, поющую и гуляющую среди кустов цветущих голубых гортензий. Она была неземной красоты!

Но когда он осознал, что это лишь мечты, его охватывало отчаяние и бросало в пот. Но где-то же она существует, та, которая пела! Борис подумал, что, вероятно, подобная девушка должна любить природу, и все свободное время бродил по городским паркам в поисках цветника, словно охотник, потерявший свою стрелу и добычу. От того, что он все время смотрел по сторонам, у него стала болеть шея. Он подолгу сидел напротив цветников, мечтательно глядя на место, где могла бы воплотиться его мечта. Даже во время службы в армии он не стоял на посту столько времени!

Каждый день после работы он шел в парк. Пристально смотрел на клумбы, и ему даже иногда казалось, что вот-вот она появится и запоет своим нежным голосом: «Ах, фиалки мои, незабудки...» Борис бродил по аллеям до тех пор, пока они не становились совсем пустыми и темными. Ему не хотелось возвращаться домой. Казалось, он ищет то ценное и любимое, что потерял из-за какой-то своей оплошности, без чего никак нельзя вернуться.

Уже не думая зачем, скорее по привычке, после работы он отправлялся в парк. По пути представлял, что когда увидит ее, расскажет ей о том, как он искал ее, как без нее тосковал. А она, улыбнувшись, не станет отвечать, а только ласково запоет своим дивным, чарующим голосом.

С каждым днем ее образ все ярче вырисовывался в его сознании: голубые глаза под тонкими бровями, длинные ресницы; светлые, золотистые и густые кудри, струившиеся по голубой блузе, и — ах! да! — высокая грудь. Ее ноги представлялись произведением античного искусства, выточенным искусным скульптором. Казалось, он уже давно ее знал, что она его хорошо знала, но вот куда-то ушла на мгновение и забыла вернуться.

Стало холодать, и Борис решил приостановить свои поиски. Цветы в парках завяли. Он жил в своем воображении. Там цветы продолжали цвести в необычайном для московского парка изобилии. Это был истинный Эдем, не существующий в реальности. Он представлял его во всех деталях и во всем великолепии. И вдруг он увидел ее, эту девушку, в метро! Она сидела среди других пассажиров и читала книгу. Это настолько не было похоже на правду, что Борис не растерялся: он как будто продолжал пребывать в своих иллюзиях. «Интересно, что она читает?» — пронеслось у него в голове. И, как по заказу, вагон резко затормозил, и незнакомка, дабы сохранить равновесие, перевернула книгу: «Как достичь цели и не дать сбить себя с пути». Какая целеустремленная! Ищет высоких целей в жизни! Девушка сидела, откинувшись на спинку сиденья, и ее голубые глаза были точь-в-точь как в фантазиях Бориса.

Он никогда не видел столь привлекательной девушки и не мог отвести от нее глаз. Она напоминала русалку. Не всякая красота может привлечь к себе внимание окружающих, но сейчас оно было приковано к незнакомке, как казалось Борису. Не только молодые люди, даже девушки с некоторой завистью смотрели на нее. «О, если бы вы знали, какой у нее божественный голос, вы бы не завидовали, вы бы просто потеряли дар речи от восхищения», — думал он.

За его спиной будто выросли крылья, и в груди жгло стремление подойти к ней и познакомиться. Ему казалось, что сейчас кто-то другой встанет и, представившись ей, обнулит его шансы. Он направился к ней. Борис хотел придать своим движениям кошачью грациозность, словно он африканский лев, отслеживающий антилопу.

Но заподозрив, что весь вагон смотрит на него, смотрит как на пьяного, застеснялся и вернулся на свое место. Им овладело какое-то странное состояние: всегда активный и смелый, Борис не мог найти в себе решимости подойти. Его трясло как в лихорадке. Готовое наплевать на робость хозяина и броситься к ногам прелестницы, сердце колотилось так сильно, что напоминало скачущего всадника. Бориса бросало то в жар, то в холод.

Девушка же не подозревала ни о состоянии, в котором он находился, ни даже о его существовании. На своей станции она заложила палец между страницами и спокойно прошла мимо Бориса. Он отправился за ней, ускоряя шаг, однако не осмеливался догнать ее. Девушка была выше его. Он давно переживал из-за своего маленького роста — Борису всегда нравились высокие девушки, но им нравились высокие парни. Когда незнакомка шла по разветвляющемуся переходу, дорогу преградил чемодан с неповоротливым хозяином. И пока Борис обходил их, прекрасная незнакомка исчезла, растворилась в толпе.

Она ехала в час пик и, проходя по переходу, не смотрела на указатели. Значит, это был ее обычный маршрут — возможно, с работы домой, — следовательно, она должна была появиться там вновь. Борис решил дежурить на станции. Он вспомнил, как потерял дар речи при виде этой девушки. И только сейчас понял тех, кто рассказывал ему о своих любовных мучениях, и посочувствовал им. Он стал корить себя: «Почему я не подошел, не спросил ее имени!.. Я всегда был таким общительным, а к ней даже не осмелился подойти. А вдруг она ответила бы мне, что я ей не нравлюсь, не в ее вкусе?..»

Борис рассчитал правильно, и уже через несколько дней незнакомка появилась на станции с той же самой книгой. Борис направился в ее сторону. Ноги не слушались его. От волнения он стал нести чепуху:

— Вы знаете, у каждого человека сердце замкнуто, а душа — потемки. Каждый старается скрывать все от других. Вот почему девушки только по ночам начинают обдумывать и взвешивать поступки и слова, сказанные мужчиной! И пока решатся, что ответить, ему приходится сильно страдать в ожидании. Бывает даже, что они с полным равнодушием относятся к человеку, который всей душой и сердцем любит. Как вы думаете, почему девушки бывают так холодны?

Борис старался сделать свою речь яркой, выразительной. Он говорил так красиво, словно хотел подчеркнуть свою необычность и изысканность. Он уже давно заметил, что девушки любят галантных молодых людей, которые отличаются интеллектом и поставленной речью.

— Я считаю, — продолжил он, — что самый счастливый человек на земле тот, у кого привлекательная девушка, высокая, стройная! А такие девушки любят красивых мужчин, а не таких, как я. Беда нам, невзрачным!

Не успел он договорить, как девушка бросила на него удивленный взгляд. Ему показалось, что девушке не понравились его пухлые губы. Она оглядела его с ног до головы. Он понял, что он урод: узкий лоб, немного приплюснутый нос, широкое лицо, которое из-за рыжих волос казалось еще шире. Мускулистые руки могли бы произвести на нее впечатление, но их скрывала куртка.

Лучше бы у него отсох язык, когда он решил заговорить с ней! Надо было просто стоять на соседнем эскалаторе и любоваться со стороны! Незнакомка продолжала молчать.

Он следовал за ней, пока она не вошла во двор «сталинской» высотки, что окончательно уничтожило его веру в себя.

«Сегодня я должен получить от нее ответ!» — через несколько дней осенило его.

С этими мыслями он отправился под окна ее высотки. В наступающих сумерках вспыхивали фары машин, мелькали витрины магазинов. Светофор усиливал иллюминацию своим прерывистым желтым миганием. Трафик был напряженным, кто-то из водителей сигналил.

Борис огляделся и выбрал место, откуда можно было видеть всех, кто заходит во двор. «Хорошо бы не встретить никого из знакомых», — подумал почему-то он, намереваясь, если кто-нибудь осмелится заговорить с ним, пресечь любые разговоры напускными холодностью и торопливостью.

Тут он увидел свою прекрасную незнакомку, в белой куртке и клетчатой юбке. Девушка шла быстро, кажется, она куда-то спешила. Переходя улицу, она не обратила внимания на указания регулировщика, и он пронзительно ей засвистел. Но она, не обратив на него никакого внимания, продолжала путь. Борис, все это время шедший следом, догнал ее и теперь приобнял за плечи как старый знакомый.

— Добрый вечер, мадемуазель! — сказал он.

Увидев его перед собой, девушка от неожиданности вздрогнула и прикрыла рукой рот.

— Прошу вас минутку послушать меня! Вы не представляете себе, как я страдал все это время, я лишился сна... — Он положил ее руку на свое сердце и тяжело вздохнул. — Послушайте, оно не дает мне покоя!

Борис принял жалкий вид приговоренного к казни преступника, который молит о пощаде. Но девушка, показав пальцем на часы, повернулась и убежала.

«Даже не вскрикнула от испуга! — удивился он. — Почему она промолчала, ничего не ответила? Неужели нельзя было хоть что-то сказать?»

Борис решил дожидаться ее возвращения. Он зашел в кафе в доме напротив, огромные витрины которого превращали его в отличный наблюдательный пункт. Заказал себе дежурную чашку кофе и стал ждать.

Действительно, она появилась через несколько часов. Она шла домой не спеша, помахивая сумочкой. Борис выбежал из кафе и побежал за ней.

— Почему? Почему вы мне не отвечаете? Ну хоть что-то можно сказать!

Девушка была удивлена, но не испугана, несмотря на поздний час. Она достала из сумочки надорванный билет в театр и карандаш. Бориса охватил трепет человека, встретившегося с чудом. «Я немая», — написала она и улыбнулась. У нее были чудесная улыбка и красивое интеллигентное лицо. Она была одета со вкусом, но не вычурно. Волосы аккуратно лежали в причудливой прическе. Гибкая элегантная фигура и изящные руки свидетельствовали о том, что она неплохо танцует. Но не поет!

Потрясенный Борис стал растерянно озираться, словно искал кого-то. Затем стал медленно пятиться назад и, ускоряясь, рванул к остановке, будто спасался от чумы. Прежде чем свернуть за угол, он обернулся и в последний раз взглянул на ее хрупкий силуэт.